

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Криони А.Е.,
частный детектив

Недопустимые доказательства потерпевшей стороны. О праве частного сыщика представлять доказательства, собранные незаконным способом, в Европейский суд по правам человека

Доказательства, как и юридические факты, обращены прежде всего к сознательной воле человека, и поэтому условия их получения вполне могут быть человеком несоблюдаемы. «То, что мы называем достоверностью факта (Gewissheit), – отмечал немецкий правовед Ф.К. Савеньи, – опирается на таком множестве отдельных, в своей совокупности только индивидуальному случаю принадлежащих элементов, что для нее вовсе нельзя установить общих научных законов»¹. Это не означает, однако, что не может быть неких общепризнанных правил или юридических оснований для оценки доказательств в судебном процессе.

Известно, что для придания силы допустимости доказательства нуждаются в особых процедурных обеспечениях или правилах. Доказательства же, собираемые детективом, часто покоятся не на процедуре, а его доводы часто воспринимаются судом как сугубо личное предубеждение человека. Такое зыбкое положение процессуального восприятия детектива есть следствие предоставленной ему возможности пользования только потенциально значимой, актуальной информацией² и не потому, что источники частного сыщика не заслуживают доверия, а в силу того, что применяемая тактика частного сыска по сбору информации порой находится за гранью допустимого риска или на острие закона. По этой причине детектив вынужден скрывать и источник, и способ, с помощью которых факты были обнаружены.

Разумеется, при таком положении дел не может идти ни какой речи о придании собранным фактам статуса допустимых. И все

¹ Владимирова Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула, 2000. – С. 443.

² Криони А.Е. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности частного детектива // Советник юриста. – 2010. – № 8. – С. 3.

же необходимо каким-нибудь образом позволить детективу представлять такие доказательства в суд, поскольку право на справедливое судебное разбирательство не может быть исключено, а сведения сыщика не могут более оставаться «мертвой буквой» в современном праве.

В настоящей статье автор попытался: 1) дать характеристику недопустимым доказательствам; 2) основываясь на практике применения принципа справедливого судопроизводства Европейским судом по правам человека, обосновать возможность и законность собирания и представления доказательств Суду частными сыщиками; 3) предложить перечень оснований представления доказательств, собранных незаконным способом, Суду.

1. В чем же заключается допустимость доказательств? Каждый раз, когда детектив обнаруживает фактическое обстоятельство, имеющее значение для целей справедливого правосудия, именно с этого момента возникает противостояние интересов: динамическое, с одной стороны, когда интерес детектива направлен на активный поиск доказательства причиненного его заказчику вреда, и, с другой стороны, статическое, когда обвинение пользуется предоставленным ему негласным правом гарантированно представлять суду свои доказательства. Действия стороны обвинения в этом случае, скорее, напоминают молчаливого правонарушителя, который прибегает к подобному приему из-за желания не усугубить свое положение. Казалось бы, если одна из сторон будет упорствовать в своем молчании, то заключение, выводимое отсюда против него, так же естественно, как и законно. Но в действительности все наоборот. Молчание становится синонимом торжества невежества и безнаказанности.

Столкновение этих интересов вызывает установление соответствующих правил, определяющих, как должно быть ограничено применение интересов детектива в интересах правонарушителя. Мысль законодателя понятна. Клиент детектива, если он потерпевший, играет такую важную роль во всем деле, что его показания требуют внимательной оценки. Эта оценка во многих случаях может привести к выводу о том, что показание его должно быть признано судом не заслуживающим внимания. Поэтому можно сказать, что общее последствие игнорирования судом представляемых от детектива фактических сведений есть следование интересам только стороны обвинения или правонарушителя. Для того чтобы убрать вредный дисбаланс между интересами сторон, будет полезным при сохранении общих положений тактики сторон (динамической и статической) выяснить, как же именно возможно отрегулировать возникающие из представления доказательств интересы при следовании принципу справедливости.

Доказательства необходимы для достижения известных целей правосудия; к их сбору детектива побуждают интересы его клиента, стесненные велениями правовых норм. Анализ ст. 74, 75 УК РФ позволяет выделить основные условия допустимости доказательств: фактические сведения, полученные из достоверно установленного источника уполномоченным лицом правомерным способом. Думается, если бы все доказательства собирались именно при таких наиболее полных условиях, не было бы возможности следовать установленным законом рамкам. Поэтому первое средство обеспечить действительные процессуальные интересы детектива – это нарушить устоявшиеся архаичные принципы, не достигающие своей цели. Последствия исключения хотя бы одного из трех условий допустимости позволят потерпевшему или детективу, представляющему доказательства в интересах потерпевшего, предложить

суду новый юридический факт. В противном случае триада допустимости, как бы академичным не выглядело ее строение, без фактической опоры на доказательства детектива – непрочный материал для справедливого судебного решения.

В подтверждение данного довода приведем пример очень показательного судебного разбирательства, имевшего место 31 декабря 2010 г., по делу об административном правонарушении в отношении жителя г. Москвы Н-цова¹. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что Н-цов, прогуливаясь по улице, рядом с которой проводился митинг граждан, был задержан за отказ выполнить законные требования сотрудников милиции. Такое деяние в современной России является административным правонарушением и в соответствии с ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ наказывается арестом на срок до 15 суток. Позднее выяснилось, что от имени органа, составившего в отношении Н-цова протокол об административном правонарушении, обвинения поддерживали совершенно другие лица, которые не участвовали в задержании. Об этом подложном факте свидетельствовали представленные стороной защиты несколько граждан, а также множество фото- и видеоматериалов от независимых свидетелей задержания. Однако, мотивируя тем, что нет оснований не доверять показаниям работников правоохранительных органов, судья Б-ва посчитала доказательства защиты недопустимыми и встала на сторону обвинения. Н-цов был признан виновным, и ему было назначено наказание в виде 15 суток административного ареста. Казалось бы, с формальной стороны обвиняемый ничего не должен доказывать, но действительность такова, что на него (на обвиняемого) фактически силой обстоятельств перемещается вся обязанность доказывать отсутствие события преступления.

Понятно, что, не принимая справедливые доводы в невиновности, для суда было бы легче всего формально следовать нормам закона, требующим, чтобы гражданин посмел ходить там, куда не направлен взгляд главного союзника обвинения – сотрудника милиции. И если суд не имеет оснований недоверять работнику правоохранительной системы, то и не может быть оснований доверять доказательствам нарушителя общественного порядка – вот логика современного справедливого правосудия.

Фактические сведения преобразуются судом в допустимые доказательства не потому, что представляемый их источник получил сведения в соответствии с законом, а потому, что всякое справедливое доказательство ближе всего подходит к природе вещей. Как формализм противоречит законам природы, так и формальные условия сбора и представления доказательств суду не должны рассматриваться как несправедливое требование к детективу.

2. Недопустимые доказательства могут иметь несколько форм. Различают, во-первых, собственно ничтожность (*nullitas*) и спорность (*rescissibilitas*). Ничтожность есть недопустимость, наступающая сама собой в силу отсутствия одного, двух или трех из условий представления доказательства. Так, в некоторых случаях ксерокопия документа, не подкрепленная его оригиналом, не является допустимым доказательством, хотя обе стороны желали бы его признания. Например, несколько месяцев назад нам удалось получить ксерокопии свидетельств о заключении брака и его расторжении между гражданином ЮАР и гражданкой РФ. Суд не приобщил данный документ к делу, так как посчитал, что тот получен ненадлежащим лицом и в нарушение установленного порядка. Реже в практике встречаются случаи, когда доказательство, с одной стороны, не может быть признано судом допустимым, но,

¹ Постановление мирового суда судебного участка № 369 Тверского района г. Москвы от 2 января 2011 г.

с другой стороны, в силу своего источника или духа закона носит более убедительный характер, чем ничтожное доказательство, и менее убедительный, чем допустимое доказательство. Например, диктофонная запись или видеосъемка, сделанные детективом, не могут быть признаны судом допустимым доказательством в силу того, что другая сторона не была вовремя проинформирована о производстве такой записи.

Затем, ничтожные доказательства бывают также абсолютными и относительными. Абсолютная ничтожность заключается в том, что юридический факт считается, безусловно, не существующим, как, например, словесное утверждение одного человека о том, что первый продал частный дом или гараж второму, с которого теперь и требует у суда его вернуть. Напротив, относительная ничтожность заключается в недействительности только одного или двух условий допустимости. Например, несоблюдение простой письменной формы сделки лишает потерпевшую сторону права ссылаться на условия сделки, но все же не лишает ее права приводить письменные и другие доказательства.

Может произойти и так, что впоследствии недостающее условие допустимости будет восстановлено. В таком случае прекращение ничтожности сопровождается признанием прежнего состояния доказательства в допустимую форму. Такое восстановление нарушенной допустимости совершается только потерпевшей стороной или судом и может заключаться или в признании судом факта допустимым доказательством, или в совершении обязанности следовать всем трем условиям допустимости, поручив законное право собирать доказательства детективу.

В известной степени за каждым отказом признать допустимым формально ничтожное или спорное доказательство следует непомерный вред, направленный только в сторону потерпевшего. Это, во-первых, та обида, которую чувствует потерпевший от незащищенности; во-вторых, это тот подрыв важнейшего из принципов судопроизводства – справедливости судебного разбирательства, который наступает каждый раз при попытке игнорировать интересы потерпевшей стороны.

С усилением влияния действия норм международного права на государственную власть отдельного государства прилагаемые усилия, направленные на справедливый и равноправный доступ гражданина к правосудию, все более вытесняют политические цели номенклатуры и заменяют их частным интересом отдельного гражданина. Необходимо признать, что в национальном праве сфера применения принципов допустимости доказательств определяется все еще не общими принципами международного права, а изменчивыми частными соображениями политической элиты.

Конечно, по общему правилу, установление таких невыгодных для потерпевшей стороны условий по сбору и представлению юридически значимых фактов не устраняет ее возможности заключить договор с профессионалом частного сыска и таким способом собрать недостающие доказательства. Так, в случае причинения легкого вреда здоровью или нанесения оскорбления, когда личность обвиняемого не может быть установлена, сведения потерпевшего о преступнике и его предполагаемом адресе проживания суд не может принять во внимание, поскольку потерпевший не может предоставить суду удостоверяющие личность документы обидчика. Детектив, конечно, может попытаться установить личность злодея. Но обстоятельства могут сложиться таким образом, что признание недопустимым доказательством явилось следствием не того, что виновный был установлен детективом в ходе незаконного с точки зрения закона наружного наблюдения и фотографирования, а из-за не-

возможности частного сыщика представлять суду результаты частнорозыскных мероприятий.

Существование таких как бы «бесхребетных» норм по сбору и представлению доказательств потерпевшей стороной требует дополнительного изучения. По сути, сформировавшаяся процедура определения допустимости определяет права власти. Нынешнее устройство суда уже наперед обеспечило выражение воли сильнейшего и, вероятно, не сможет предупредить злонамеренные действия в отношении слабого потерпевшего. По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется изобилие приговоров с обвинительным уклоном. Но абсолютного игнорирования сведений, полученных пусть и с нарушением национального законодательства, достигнуть невозможно, так как суды все же представлены отдельными людьми, а не единой автоматизированной системой обвинения.

Сделайте организацию сбора и представления доказательств более жизненной, подвижной, более применимой к условиям состязательности, и вместе с тем вы обязательно дадите возможность гражданину достаточно ясно выразить свое право на справедливое правосудие. В настоящее время это уже осознается. Теперь все более возрастает необходимость привлекать доказательства от тайных осведомителей и практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ, Суд) впервые дает гарантии действительного справедливого равного правосудия через право гражданина собирать и представлять доказательства доступными ему способами и средствами.

3. Справедливо отметить, что практика ЕСПЧ все еще неоднозначна в отношении привлечения негласных осведомителей (детективов) для представления ими собранных доказательств. Тем не менее хороший повод обсудить эту тему дает одно из решений Суда, напрямую касающееся как раз этой проблемы¹. Позднее мы еще вернемся к обстоятельствам по этому делу (Khan), а пока остановимся на ряде практических прецедентов, которые помогут понять принцип, по которому Суд допускает представление недопустимых доказательств.

По общему правилу Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), порядок доказывания никак не регулируется. «Суд не может исключить принципиально и *in abstracto* приемлемость такого рода доказательств, полученных без соблюдения предписаний национального права. Внутренним судам следует оценивать полученные ими доказательства и отношение к делу доказательств, представляемых стороной. Тем не менее задача Суда состоит в выяснении того, было ли судебное разбирательство в целом справедливым согласно п. 1 ст. 6, включая и то, как были получены доказательства»².

В деле *Schenk vs. Switzerland* заявитель нанял киллера для убийства своей жены. Киллер сообщил об этом полиции и в дальнейшем записал свой телефонный разговор с заявителем на пленку. Запись разговора не была санкционирована судьей, и поэтому с точки зрения национального права была незаконной. Несмотря на недопустимость полученного доказательства, заявитель был осужден. Европейский суд решил, что включение в доказательственную базу незаконно полученного доказательства не противоречит ст. 6 Конвенции: «Суд <...> не может исключить

¹ Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – С. 414.

² Там же. – С. 413.

принципиально и *in abstracto* приемлемость такого рода незаконно полученных доказательств».

Свой отказ исключить аудиозапись из числа доказательств был связан с тем, что запись была не единственным доказательством, на котором был построен приговор. Из данного решения Суда следует, что ст. 6 Конвенции не будет нарушена, если в основу обвинения, кроме одного «незаконного» доказательства, будет положено множество других допустимых доказательств. Для целей справедливого судопроизводства обвинение не может базироваться исключительно на незаконно полученных доказательствах.

В деле *Teixeira de Castro*¹ точно так же шла речь об использовании в уголовном процессе против заявителей доказательств, добытых с нарушением ст. 8 Конвенции, а именно аудиозаписей скрытого опроса. Однако это дело отличалось от дела *Schenk vs. Switzerland*, в котором полиция использовала тайных осведомителей на стадии расследования преступления. В данном деле заявитель, не имеющий судимости, склоненный полицейскими, одетыми в гражданскую одежду, к совершению преступления, в чем он впоследствии был признан виновным. «Конвенция не исключает возможности использования анонимных информаторов на стадии расследования преступления, когда это обусловлено его спецификой. Другое дело – использование их показаний в суде для доказательства вины». В этом деле Суд нашел нарушение права не свидетельствовать против себя, поскольку рассказ обвиняемого, записанный информатором на пленку, не имел спонтанного характера свободного рассказа, а был продиктован настойчивыми вопросами информатора, повторившего разговор как дискуссию об убийстве. Вопросы информатора были фактически эквивалентом допроса, в то же время у обвиняемого не было гарантий, которые даются во время формального допроса. Хотя прямого принуждения не было, но были все признаки психологического давления, которое повлияло на добровольность признания заявителя в совершении преступления. Из данного решения Суда следует, что ст. 6 Конвенции будет нарушена, если в основу обвинения будут положены свидетельства, полученные информатором полиции (полицейскими, одетыми в гражданскую одежду) в камере допроса без признаков психологического давления. Общественный интерес не может оправдать свидетельских показаний, спровоцированных в результате действий полиции в ходе расследования.

Отсюда можно сделать предположение, что если бы свидетельства, полученные по делу *Teixeira de Castro*, информатор полиции получил от заявителя не в камере допроса, тогда решение Суда было бы другим. Для положительного исхода дела было бы также полезным иметь информатора не из числа полиции. На роль такого секретного агента вполне может подходить частный сыщик.

В связи с этим вспоминается аналогичный случай, в котором автор, будучи анонимным информатором милиции, выполнял задание одного из подразделений МВД². Так, по одному делу предполагалось провести расспрос лиц, незаконно распространяющих оборудование для изменения программ в игровых автоматах. Использование таких программ позволяло лицу, имеющему беспрепятственный доступ к электронике игрового автомата, перенастроить его таким удобным способом, чтобы в итоге «игрок» гарантированно получил бы крупный денежный выигрыш. Тактическая цель была достигнута в результате представления детектива покупа-

¹ Де Сальвиа М. Указ. соч. – С. 410.

² Любые совпадения случайны.

телем контрафактного оборудования. Встреча происходила не в тюремной камере, а на улице в автомобиле подозреваемых. Разговор скрытно записывался на аудио- и видеоносители. В результате проверочной закупки были получены образцы контрафактного товара и доказательства его продажи. Таким образом, детектив, выполняя поручение сотрудников правоохранительных органов, успешно произвел скрытый опрос и осуществил проверочную закупку электронного устройства по модифицированию программ для игровых автоматов. В последующем своим постановлением следователь «легализовал» полученные детективом доказательства на стадии предварительного расследования, которые и легли в основу обвинения.

Преамбула Конвенции похожую технику скрытого опроса называет «особой»¹. Применение подобной частнорозыскной тактики расспроса полностью соответствует духу Конвенции, а значит, не влечет нарушения принципа допустимости доказательства и вполне может быть использована в деятельности частного сыщика. В деле *Ebbinge, Dec* Суд постановил буквально следующее: «Отметив характерные черты этой техники допроса и то, как она использовалась в отношении заявителя, Суд считает, что речь идет о новейшем методе с психологической точки зрения и что он дает повод к критике в контексте уголовного следствия в той мере, в какой, стремясь создать, через умственное стимулирование, интимную обстановку между подозреваемым и лицами, производящими допрос, он, по-видимому, стремится установить оптимальный уровень коммуникации, в силу которого допрашиваемое лицо побуждается, на основе того, что оно воспринимает как доверительное отношение, к раскрытию перед лицами, которые его допрашивают, чтобы облегчить душу воспоминаниями, которые представляют для него психологическую тяжесть».

Касательно дел, обвинение по которым основано на данных незаконно произведенной видеосъемки, огромный интерес для деятельности детектива представляет практика Суда по делу *Perry vs. the United Kingdom*. Здесь предметом споров явилось обстоятельство, при котором полиция тайно зафиксировала изображение свидетеля на видеопленку с нарушением национального законодательства. Эта видеокассета была использована вместе с другими доказательствами для осуждения заявителя за разбой. Данное доказательство, хотя и не было единственным, сыграло существенную роль; именно на него сослались национальные суды в обоснование доказанности вины заявителя в разбое. Делая же акцент на существовании процедуры для оценки достоверности такого доказательства, Европейский суд отметил: «Использование в суде доказательств, полученных без надлежащей правовой базы или незаконным путем, не всегда будет составлять нарушение стандартов справедливой процедуры, установленных ст. 6 Конвенции, если надлежащие процедурные гарантии имеют место и природа и источник доказательственного материала не запятнаны, например принуждением или провокацией, которые делали бы ссылку на него при определении обвинения несправедливой... Получение такой информации больше касается ответственности государств – участников по ст. 8 Конвенции, которая обязывает надлежащим образом уважать частную жизнь»².

В статье 8 Конвенции «Личная жизнь» мы не находим точного ответа на вопрос о возможности правоохранительных органов проводить незаконную видеосъемку. Однако в своих суждениях мы можем руководствоваться мнением о том, что несанкционированное (скрытое) наблюдение, осуществляемое детективом, тем

¹ Техника допроса: Преамбула. – Ст. 178 Конвенции.

² Де Сальвиа М. Указ. соч. – С. 410.

не менее оказывается включенным в понятие личной жизни и корреспонденции, предусмотренных в этой норме. Несомненно, незаконное видеонаблюдение наравне с прослушиванием телефонных разговоров и контролем корреспонденции является серьезным вмешательством в личную жизнь гражданина. Однако это вмешательство может оказаться необходимым для предупреждения и преследования преступлений. Угроза осуществления конкретного преступления порой ставит детектива перед трудным и рискованным вопросом. С одной стороны, частный сыщик должен принять любые разумные меры, способствующие удалению угрозы, исходящей от преступной группировки, которая пользуется самой вычурной техникой. Таким образом, детектив должен быть в состоянии бороться с этими угрозами, тайно следить за преступными элементами, действующими во вред его клиенту. С другой стороны, детектив не может использовать скрытое наблюдение, в том числе и специальную технику, расцененную им как подходящую.

Такой же ясный ответ в отношении права сторон использовать незаконное прослушивание телефонных разговоров и, надо полагать, несанкционированный контроль корреспонденции мы встречаем в раннее упомянутом нами деле Khan. Здесь, говоря о приемлемости доказательств, полученных незаконным путем, а именно о незаконном прослушивании телефонных переговоров, Суд отметил, что «...его задача в соответствии со ст. 19 Конвенции состоит в обеспечении соблюдения государствами – участниками обязательств, вытекающих из Конвенции. В частности, он не должен знать о юридических и фактических ошибках, совершенных внутренним судом, кроме случая, когда они могли бы посягнуть на права и свободы, охраняемые Конвенцией. Статья 6 Конвенции гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, но она не устанавливает каких-либо правил допустимости доказательств как таковых; это задача внутреннего права. Суд не должен высказываться принципиально о приемлемости некоторого рода доказательств, например доказательств, полученных незаконным путем, а также о виновности заявителя. Нужно выяснить, было ли судебное разбирательство в целом справедливым, включая и то, как были получены доказательства, что предполагает рассмотрение «незаконности», о которой идет речь, и в случае, когда оказывается затронутым другое право, защищаемое Конвенцией, исследование природы этого нарушения».

Незаконно полученные доказательства, а именно прослушивание телефонных переговоров и контроль за почтовыми сообщениями, никогда не смогут быть приняты в качестве допустимых доказательств. Подобное вмешательство в частную жизнь не будет признаваться Судом, кроме случаев, если это предусмотрено законом. Здесь речь идет о производстве оперативно-розыскных мероприятий (телефонного перехвата и контроля корреспонденции) только от лица государственных органов. В качестве дополнительных условий, чтобы избежать злоупотреблений постановления Kruslin и Huvig по делу Valenzuela Contreras, упоминают об:

- определении категории лиц, способных быть подверженными вмешательству в их личную жизнь;
- природе нарушений, которые могут его (вмешательство) породить;
- условиях ведения протоколов с записью перехваченных разговоров;
- предостережениях, которые надо предпринять, чтобы сообщить целиком и полностью об осуществленных записях в целях осуществления возможного контроля за защитой;

- обстоятельствах, в которых может или должно осуществляться стирание или уничтожение указанных лент, особенно после прекращения дела в суде или оправдания.

Добавим также, что наличие контракта о конфиденциальном сотрудничестве между органом, уполномоченным осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, и частным детективом (см. прил.) позволит стороне обвинения рассчитывать на более благосклонную оценку Суда на предмет признания процедуры сбора доказательств правомерной в отличие, если бы сбор таких фактов происходил бы без участия детектива.

Вывод. Доказательства от детектива, будь они получены по договору с адвокатом или контракту с правоохранительными органами, могут быть признаны допустимыми только Европейским судом по правам человека, причем даже в тех случаях, если фактические сведения были получены с нарушением внутреннего законодательства, но при соблюдении следующих условий:

- 1) доказательства, полученные незаконным способом по уголовным, административным и торговым делам. Установление правил допустимости доказательств в гражданских делах является задачей внутреннего права;
- 2) сбор и представление доказательств, полученных незаконным способом, производились только детективом (частным сыщиком);
- 3) в случае если частный сыщик действует по поручению правоохранительных органов, например как конфидент, то такое взаимодействие должно основываться на соглашении о конфиденциальном сотрудничестве между детективом и органом внутренних дел, осуществляющим проверку события преступления;
- 4) в случае если частный сыщик действует по поручению адвоката, то проведение детективом частнорозыскных мероприятий по уголовным делам должно быть санкционировано судом;
- 5) проводя частнорозыскные мероприятия, детектив не может и не имеет права представляться сотрудником правоохранительных органов;
- 6) при проведении частнорозыскных мероприятий детектив не может использовать специальные технические средства и амундацию сотрудников правоохранительных органов;
- 7) при проведении расспроса детектив не имеет права использовать психологическое давление;
- 8) при выборе места тайного опроса детектив отдает предпочтение такого выбора другой стороне, при этом место встречи не должно находиться в тюрьме;
- 9) «незаконные» доказательства, полученные в ходе проведения частнорозыскных мероприятий, могут быть получены только на стадии досудебного расследования;
- 10) доказательства, полученные незаконным способом, могут быть приняты Судом, если в своей совокупности представленные факты достаточно серьезны, точны, понятна их природа происхождения, а их доказательственная ценность относится к обстоятельствам рассматриваемого дела;
- 11) доказательства, полученные незаконным способом, могут быть приняты Судом как допустимые, если в основу своей защиты кроме одного «незаконного» доказательства заявитель положит множество других допустимых доказательств.

Таким образом, при решении вопроса об использовании незаконным путем полученных доказательств Суд будет рассматривать процедурные гарантии, качество самого доказательства и его важность для уголовного осуждения. Хочется надеяться, что в свете все возрастающих требований к справедливости судебного процесса практика ЕСПЧ вскоре пополнится новыми делами, решение по которым будет приниматься Судом исходя из доказательств, представленных российскими частными сыщиками.

Приложение см. на стр. 109.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете оформить адресную подписку на 2011 г. на журнал «Советник юриста» в редакции (на полугодие — 3600 руб.; на весь год — 6960 руб.), для чего вышлите нам заявку на получение счета, в которой обязательно укажите полное наименование организации (Ф.И.О. покупателя), ИНН, КПП, юридический и почтовый (с индексом) адреса, контактный телефон (с кодом), по адресу: 121096, Москва, а/я 6, «Дело и Сервис» или электронной почтой info@dis.ru.

Вы также можете подписаться на журнал на сайте www.s-yu.ru или в любом почтовом отделении на полугодие по каталогам: **агентства «Роспечать»** — 32334; **«Пресса России»** — 42387; **«Почта России»** — 12259.

Наши банковские реквизиты

(для адресной подписки в издательстве):

р/с 40702810038260101433 в Московском банке Сбербанка России
ОАО г. Москва, к/с 30101810400000000225,
БИК 044525225, ИНН/КПП 7701157482/773001001, ОКОНХ 87100

Справки о получении счета, поступлении денежных средств за подписку и выходе номеров журнала по тел.: (499) 148-95-62, 148-99-70, (495) 964-97-57.

Приглашаем на наш сайт www.dis.ru, где вы найдете информацию о журнале и сможете оформить заказ на подписку.